

ТЕКСТЫ ДЛЯ НАПИСАНИЯ ОТЗЫВА
(отборочный тур)

Вероника Михайловна Тушнова (1911 – 1965)

Вот говорят: Россия...

Вот говорят: Россия...
Реченьки да березки...
А я твои руки вижу,
узловатые руки,
жесткие.
Руки, от стирки сморщенные,
слезами горькими смоченные,
качавшие, пеленавшие,
на победу благословлявшие.
Вижу пальцы твои сведенные,—
все заботы твои счастливые,
все труды твои обыденные,
все потери неисчислимы...
Отдохнуть бы, да нет привычки
на коленях лежать им праздн...
Я куплю тебе рукавички,
хочешь — синие, хочешь — красные?
Не говори «не надо»,—
мол, на что красота старухе?
Я на сердце согреть бы рада
натруженные твои руки.
Как спасенье свое держу их,
волнения не осия.
Добрые твои руки,
прекрасные твои руки,
мать моя, Россия!

Николай Михайлович Рубцов (1936 – 1971)

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей –
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их...

С войны встречали матери сынов...

С войны встречали матери сынов,
Присматривали загодя невесток.
А сын ее со всеми не пришел.
Пришло лишь: “Без вести пропал”, – известье.

Друзья погоревали, земляки,
Слезу смахнула горестно дивчина:
Ко многим не вернулись женихи...
Да только сын для матери не сгинул.

И мать находит тысячи причин,
Из-за чего так долго сын в дороге,
И не спешит разгладить ей морщин,
И высушить лицо от слез тревоги.

Она среди уборов дорогих
Рубашки сына с грустью сохраняет
И в День Победы долго гладит их,
Безмолвно с ними говорит, вздыхая...

В ушах звучат слова: “Ты не грусти, –
Вернусь: ведь сыновья не погибают.
Ты жди меня... – сказал. – Ты только жди!..”
И столько лет мать сына ожидает.

Василий Васильевич Зуёнок – белорусский советский поэт, переводчик.
Член Союза писателей СССР. Кандидат филологических наук. Почётный
член Национальной академии наук Белоруссии.

Пушкинская осень

На поле тишь. Давно все сжаты нивы,
И даль осеннею раззолотилась мглой,
Напевы дальние, как трели-переливы,
Плывут с долин над тихою землей.

Невольно хочется заслушаться в просторы,
Припомнить юность, детские мечты,
Где каждый поворот дороги вторит
О пройденном, растаявшем как дым.

Не распрощаться мне с волшебным шумом сосен,
Что вдаль глядят с курганной седины,
Где лирою звенит мне пушкинская осень
И будит песенные сердцу думы-сны.

И чувство теплое, как тучка в небе чистом,
Вплывает в сердце с пушкинских картин, —
Напевы детства в вечер серебристый
Пленяют “Бурею” и “Вновь я посетил...”

И снова слышу шум знакомый сосен,
Развеивая дней текущих стынь,
Любовь таинственно уходит в неба синь,
И лирою звенит мне пушкинская осень...

Филипп Семёнович Пестрак (публиковался как Пилип Пестрак) – советский белорусский писатель. Лауреат Государственной литературной премии БССР имени Якуба Коласа. Член Союза писателей СССР.

Крохотки. Утёнок

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бежит передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик – перевёрнутую корзину без дна – отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит нисколько, глазки чёрные – как бусинки, ножки – воробьиные, чуть-чуть его сжать – и нет. А между тем – тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы – мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, – за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! – никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, – не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

Женя Румянцева

Вот и кончился последний урок последнего дня нашей школьной жизни! Впереди ещё долгие и трудные экзамены, но уроков у нас больше никогда не будет. Будут лекции, семинары, коллоквиумы – все такие взрослые слова! – будут вузовские аудитории и лаборатории, но не будет ни классов, ни парт.

Все мы, растроганные, взволнованные, радостные и о чем-то жалеющие, растерянные и смущённые своим мгновенным превращением из школяров во взрослых людей, которым даже можно жениться, слонялись по классам и коридору, словно страхась выйти из школьных стен в мир, ставший бесконечным.

В распахнутые окна изливалась густая небесная синь. В класс заглянула Женя Румянцева:

– Серёжа, можно тебя на минутку?

Я вышел в коридор. В этот необычный день и Женя показалась мне не совсем обычной. Новым в ней был ровный, тонкий румянец, окрасивший её лицо, да живой, близкий блеск больших серых глаз, то серьёзно-деловитых, то рассеянно-невидящих.

– Серёжа, я хотела тебе сказать: давай встретимся через десять лет.

Шутливость совсем не была свойственна Жене, и я спросил серьёзно:

– Зачем?

– Мне интересно, каким ты станешь, – Женя отбросила назойливую прядь. – Ты ведь очень нравился мне все эти годы.

Я думал, что Жене Румянцевой неведомы ни эти слова, ни эти чувства. Я никогда не слышал, чтобы в свободное от деловых забот время Женя говорила о чём-нибудь другом, кроме звёзд, планет, орбит, протуберанцев, космических полетов. Не многие из нас твёрдо определили свой дальнейший жизненный путь, а Женя с шестого класса знала, что будет астрономом и никем другим.

Между нами никогда не было дружеской близости, учились мы в параллельных классах и сталкивались лишь по комсомольской работе.

Я не был «рыцарем без страха и упрёка», и сейчас неожиданное её признание удивило и смутило меня. В поисках разгадки я мысленно пробежал прошлое, но ничего не нашёл в нем, кроме одной встречи на Чистых прудах...

Однажды мы собрались в выходной день на Химкинское водохранилище – покататься на лодках. Но с утра заморосил дождь, и на сборный пункт пришли только мы с Павликом Аршанским, Нина Барышева и Женя Румянцева. Нина пришла потому, что в выходной день не могла усидеть дома, я пришёл из-за Нины, Павлик – из-за меня, а почему пришла Женя, было нам непонятно.

Женя никогда не появлялась на скромных наших пирушках, не ходила с нами в кино. У неё не хватало времени: она занималась в астрономическом

кружке при МГУ и ещё что-то делала в Планетарии. Мы уважали эту Женину устремлённость и не хотели ей мешать.

– Давайте покатаемся по пруду, и будем воображать, что мы в Химках.

– Или в Индийском океане! – восторженно подхватила Женя. – Или у берегов Гренландии!..

Мы влезли в старую, разошедшуюся плоскодонку, подобрали на берегу две дощечки вместо вёсел и отправились в кругосветное путешествие. Едва ли кому-нибудь из нас, кроме Жени, это доставляло удовольствие.

Больше Женя не бывала с нами. Мы не раз приглашали её на наши сборища, но она отказывалась. А что, если в тот единственный раз она пришла из-за меня, и из-за меня отступилась, сказав с гордой честностью: «Не вышло» ...

– Почему же ты раньше молчала, Женя? – спросил я.

– К чему было говорить? Тебе так нравилась Нина!

С ощущением какой-то досадной и грустной утраты я сказал:

– Где же и когда мы встретимся?

– Через десять лет, двадцать девятого мая, в восемь часов вечера в среднем пролёте между колонн Большого театра.

Минули годы. Женя училась в Ленинграде, я ничего не слышал о ней. Зимой 1941 года, жадно ловя известия о судьбе моих друзей, я узнал, что Женя в первый же день войны бросила институт и пошла в лётную школу. Летом 1944 года, находясь в госпитале, я услышал по радио указ о присвоении майору авиации Румянцевой звания Героя Советского Союза. Когда я вернулся с войны, то узнал, что звание Героя было присвоено Жене посмертно.

Жизнь шла дальше, порой я вдруг вспоминал о нашем уговоре, а за несколько дней до срока почувствовал такое острое, щемящее беспокойство, будто все прошедшие годы только и готовился к этой встрече. Я купил у цветочницы ландыши и пошёл к среднему пролету между колонн Большого театра. Постоял там немного, затем отдал ландыши худенькой сероглазой девушке и поехал домой.

Мне хотелось на миг остановить время...

**Критерии
оценивания отзыва о художественном произведении**

№ п/п	Критерии оценивания	Максимальное кол-во баллов
1	Полнота и глубина раскрытия темы	12
1.1	Тематика, проблематика	2
1.2	Идея, пафос (ведущий эмоциональный тон произведения), авторский идеал	2
1.3	Художественное время и пространство	2
1.4	Образная система, тематические цепочки, смысловые мотивы	2
1.5	Сюжетно-композиционные особенности	2
1.6	Социокультурный, историко-культурный, историко-биографический, философский контекст	2
2	Целостность анализа изобразительно-выразительных средств, определение их роли в раскрытии идейного содержания произведения, выявлении авторской позиции	12
2.1	Учет жанровой специфики	2
2.2	Приемы и средства выразительной и образной речи (фонетические, лексические (в т. ч. тропы), морфологические, словообразовательные, синтаксические, ритмические)	10
3	Оценка текста отзыва	6
3.1	Общекультурная эрудиция автора отзыва	2
3.2	Соответствие текста жанру отзыва	1
3.3	Индивидуальность восприятия и трактовки текста	1
3.4	Убедительность и точность аргументации	1
3.5	Композиционная стройность, стилистическая целостность текста	1
4	Соответствие нормам речи, грамотность	20
4.1	Нет речевых ошибок	5
	1 речевая ошибка	4
	2–3 речевые ошибки	2
	4 речевые ошибки	1
	5 и более речевых ошибок	0
4.2	Нет грамматических ошибок	5
	1 грамматическая ошибка	4
	2–3 грамматические ошибки	2
	4 грамматические ошибки	1
	5 и более грамматических ошибок	0
4.3	Нет орфографических ошибок	5

	1 орфографическая ошибка	4
	2–3 орфографические ошибки	2
	4 орфографические ошибки	1
	5 и более пунктуационных ошибок	0
4.4	Нет пунктуационных ошибок	5
	1 пунктуационная ошибка	4
	2–3 пунктуационные ошибки	2
	4 пунктуационные ошибки	1
	5 и более пунктуационных ошибок	0
	Максимальное количество баллов	50